

Елена Михалёва

ТЕНИ
КНЯЖЕСКОЙ УСАДЬБЫ

Мрачные секреты
родового гнезда

Тайны института благородных
девиц. Детективы Елены Михалевой

Елена Михалёва
Тени княжеской усадьбы

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михалёва Е.

Тени княжеской усадьбы / Е. Михалёва — «Эксмо»,
2026 — (Тайны института благородных девиц. Детективы Елены
Михалевой)

ISBN 978-5-04-244261-2

Продолжение серии «Тайны института Благородных девиц» – новые загадки, новые тайны и новые опасные испытания для юной сыщицы. Петербург, 1908 год. В родовой усадьбе Голицыных готовятся к именинам княжны. Но невинное гадание в разгар праздничного вечера превращается в мрачное предзнаменование – и его слова начинают сбываться с пугающей точностью. Совпадение? Или кто-то решил превратить игру в пророчество? Для воспитанницы Смольного института Варвары Воронцовой случайностей не существует. Она уверена: за ширмой мистики скрывается холодный и продуманный расчёт. Однако старинное поместье хранит куда больше, чем семейные воспоминания. За парадным блеском приёмов прячутся финансовые интриги и секреты, способные уничтожить репутацию древнего рода. В тёмных коридорах усадьбы раздаётся скрип половиц – и всё чаще Варя кажется, что за ней наблюдают. Вынужденная вступить в опасный союз с блестящим аристократом, способным разбить ей сердце, и загадочным авантюристом, скрывающим чужие тайны, Варя начинает расследование, которое может стоить ей слишком дорого. Потому что гадание уже исполнилось однажды. И если она не разоблачит виновного, следующей жертвой может оказаться она сама.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244261-2

© Михалёва Е., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Михалёва

Тени княжеской усадьбы

Серия «Тайны института благородных девиц. Детективы Е. Михалёвой»
Безупречные создания
Красный кардинал
Бисквит королевы Виктории
Тени княжеской усадьбы

© Михалёва Е.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Унылый ноябрь в этом году выворачивал душу наизнанку. Не осень уже, но и не зима, а нечто безымянное и тоскливое. С неба сыпала колючая, мокрая крупа, которая тут же превращалась в грязную жижу. Промозглая сырость лезла под одежду и пробирала до костей, заставляя ёжиться. Кругом была отвратительная бурая слякоть, чавкающая и скользкая. Казалось, весь мир размяк, утратив всякую волю к свету и ясности.

На фоне низкого неба жёлто-коричневое здание казалось неуместно ярким пятном. Величественный дворец с белоснежными колоннами отчётливо выделялся в сердце голого парка. Чёрные деревья обступали его со всех сторон. Летом здесь наверняка царила благодать, дышалось легко и вольно, а прогулки доставляли особую радость.

Но у Алексея Константиновича Эскиса времени до лета не было. Ему вовсе казалось, что он давно и всюду опоздал.

Молодой врач оставил экипаж за коваными воротами и быстрым шагом направился к парадным дверям. Его не беспокоила ни серая паутина мороси, ни то, что шляпу-котелок он второпях забыл на сиденье. В его движениях была та целеустремлённая чёткость, которую обретают люди, идущие на последний, отчаянный разговор.

В вестибюле пахло хлоркой и камфорой со сладковатыми нотками варёной капусты из трапезной.

Мутный свет, льющийся сквозь высокие окна, едва обозначал предметы: полированный стол швейцара, ряды чёрных вешалок, гравюры со сценами гигиенических процедур на стенах. Тишину нарушал лишь отдалённый кашель пациента, доносящийся откуда-то из глубин коридора, да заскрипевшая входная дверь. Эскису показалось, что её не смазывали намеренно, чтобы звук оповещал о приходе посетителей.

Неприметная дверца в швейцарскую слева от входа открылась. На её пороге в ореоле оранжевого света возник сонный пожилой швейцар в помятой ливрее. Он протянул руку и щёлкнул выключателем. Зажглось электричество. Ряд простых круглых плафонов вспыхнули цепочкой от входа и далее по всему коридору вглубь здания.

– Добрый день, Алексей Константинович, – вежливо поприветствовал швейцар, забирая у гостя волглое тёмно-синее пальто.

– Добрый день. – Эскис скинул в его руки верхнюю одежду, оставшись в длинном английском сюртуке из тонкого чёрного сукна, тщательно отглаженном, но отдававшем едва уловимой влагой. Из-под него выглядывал жилет, белоснежная сорочка с высоким крахмальным воротничком и тёмно-синий галстук, завязанный столь неаккуратно, что это невольно бросалось в глаза. Этот немного аскетичный костюм выдавал в нём богатого аристократа, но никак не врача. Сейчас Эскис остро нуждался именно в первой своей ипостаси и желал произвести нужное впечатление.

– Доктор Веретенников у себя? – спросил он, приглаживая ото лба к затылку короткие светлые волосы.

Швейцар, старик с лицом, напоминавшим высохшую грушу, посмотрел на него с немым укором.

– У себя, Алексей Константинович. Только он не велел вас пускать дальше приёмной. После прошлого вашего визита случился скандал-с. – Старик подался к Эскису и громко прошептал: – Господин Бельский приезжали-с. Лично.

Он не сказал более ничего, но вскинул брови столь выразительно, что всё становилось понятно без лишних разъяснений.

– Вот оно что, значит. А прежде месяцами порог этот не перешагивал и к дочери не наведывался, – Эскис медленно кивнул.

– Так ведь... – Швейцар переступил с ноги на ногу. – Он к ней не ходил-с. Только к доктору.

Алексей Константинович нахмурился.

– Доложите Николаю Сергеевичу, что я беспокою его в последний раз. Слово чести. И что я буду ему крайне признателен.

Старик только устало вздохнул.

– Ладно уж, сами скажите. Он у нас человек понимающий. Это его работа, в конце концов. – Он махнул рукой в сторону коридора и заковылял обратно в свою комнатушку, унося влажное пальто.

Пока швейцар не очухался ото сна окончательно и не передумал, Эскис направился дальше по потёртому коричневому паркету. Пол до сих пор был чуть сырым после недавней помывки. Запах свежей хлорки витал в воздухе навязчивым шлейфом.

Светлые стены коридора украшали гравюры в одинаковых тёмных рамках: сплошь изображения счастливых людей, гуляющих в садах или же занимающихся спортом. Эти картинки выглядели слишком идиллическими, даже навязчиво-пародийными, как иллюстрации из детской книжки о здоровом образе жизни.

Из-за угла коридора выплыла пара: белая фигура сестры милосердия в накрахмаленном чепце и переднике и пожилой мужчина, которого она вела под руку. Он шёл неровным, шаркающим шагом, то останавливаясь, то порываясь вдруг пойти быстрее. Сестра, полная девица с равнодушным лицом, держалась с ним профессионально-снисходительно. Мужчина же, лет шестидесяти, в дорогом, но мятом домашнем сюртуке, словно вовсе не замечал свою сопровождающую. Его взгляд казался пустым, а губы беззвучно шевелились, ведя тихий разговор с невидимым собеседником. Лишь глубокая поглощённость этим внутренним диалогом отображалась на его осунувшемся лице.

Эскис отступил к стене, пропуская их. Сестра бросила на него быстрый, оценивающий взгляд, не враждебный, а скорее констатирующий факт присутствия постороннего. Однако она не изменила темпа и не сказала посетителю ни слова. Мужчина же прошёл мимо, не заметив его вовсе. Их шаркающие шаги направились в сторону вестибюля.

Алексей Константинович выдохнул, проводив их взглядом. Это тихое, упорядоченное безумие, запах антисептиков, валерианы и брома, усыпляющих волю, – всё давило на нервы сильнее, чем любой надсадный крик.

Он тряхнул головой, отгоняя тяжёлые мысли, и твёрже зашагал к двери кабинета главного врача.

Она оказалась приоткрыта. Эскис постучал костяшками пальцев в такт собственному сердцу и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Доктор Николай Сергеевич Веретенников сидел за письменным столом над раскрытой медицинской картой очередного пациента. Судя по толщине папки, случай был сложный, оттого доктор пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Он словно не сразу заметил приход гостя.

Николай Сергеевич был не стар, лет сорока пяти на вид, но седина уже густо пробивалась в тёмных, аккуратно зачёсанных назад волосах, а на желтоватом лице с правильными, почти аристократическими чертами лежала печать хронической усталости. Его белый медицинский халат, надетый поверх рубашки и жилета, сидел на нём достаточно свободно. Эскис считал это неувидительным. На изматывающей работе у доктора хватало поводов похудеть.

Увидев визитёра, Николай Сергеевич не поднялся, лишь откинулся на спинку кресла. Карандаш, которым он делал пометки, замер в его пальцах.

– Алексей Константинович, – вместо приветствия произнёс Веретенников с ноткой удивления. – Вы – воплощённое нарушение режима. Моего личного и пациентки Бельской.

– Николай Сергеевич, здравствуйте. – Эскис остановился перед его столом. – Десять минут. Ровно. И больше я не побеспокою.

– Вы так говорили в прошлый раз. А потом явился её беспокойный отец, которому, к слову, тоже не помешала бы определённая терапия. Не имею ни малейшего понятия, кто из персонала ему донёс, но наверняка у него есть свой человек. – Веретенников поставил карандаш в медную подставку. – Вы представляете, что здесь творилось? Он кричал так, что пациенты в восточном флигеле начали истерику. Бельский грозился отозвать лицензию, разорить лечебницу, привлечь лично меня к суду за «потворство разврату». А вам он запретил приближаться к его несчастной дочери под угрозой... весьма серьёзных последствий. Для вас обоих.

На последних словах Веретенников многозначительно покачал головой.

Эскис почувствовал, как холодок сырой одежды просачивается сквозь сукно сюртука к коже. В своих мыслях он отчётливо увидел эту сцену: малиновый от ярости Фёдор Павлович Бельский, бывший сенатор и прокурор по уголовным делам, в одночасье вынужденный оставить государственную службу из-за трагедии его дочери. С его напором тягаться было совершенно невыносимо, особенно когда тот пребывал в ярости. Разумеется, ответом на его появление стало трусливое, вынужденное согласие врача.

– Господин Бельский платит вам за медицинские услуги, – как можно терпеливее сказал Алексей Константинович. – Но он не оплачивает её заточение. Что станет с Елизаветой Фёдоровной через год или два? А через десять лет? – Веретенников подался вперёд и уже открыл было рот, чтобы произнести заготовленную речь о том, как хорошо идёт лечение, но Эскис не дал ему вставить ни слова. – Она угаснет, Николай Сергеевич. Как любая молодая женщина, чья судьба предрешена подобным диагнозом. Общество её не примет. Рано или поздно поползут слухи. Даже если ей посчастливится выписаться из этих стен однажды, реабилитации ожидать не стоит. Не в Петербурге точно.

– Ради всего святого, не говорите глупостей, Алексей Константинович! – Веретенников возмущённо нахмурился. – Вы же врач! Вы должны отдавать себе отчёт, что регулярные процедуры возымеют...

– Ей нужны не хлоралгидрат или тёплые минеральные ванны, – настойчивее перебил Эскис и развёл руками, словно указывая на тесноту пространства вокруг. – Ей нужен воздух. Настоящий. Нужна готовая заботиться о ней душа. Человек, который не может покинуть её, несмотря ни на что. Тот, кто не упрекнёт и не пристыдит, а, напротив, будет готов нести это бремя вместе с ней. По всему свету, если потребуется. В поисках места, где ей будет хорошо, а люди не станут задавать любопытных вопросов. – Он грустно улыбнулся и мягко добавил: – Елизавете Фёдоровне нужна надежда.

– Надежда? – Веретенников горько усмехнулся. – Надежда – это худший яд для её состояния. Каждое волнение, каждая эмоциональная встряска – шаг назад. Ваши визиты, сударь, равно как и визиты её отца, – это не лечение. Это его саботаж. Вы оба, с вашей удушающей «заботой», сводите на нет все мои усилия. Она не гаснет. Она находится в состоянии глубокой неврастении, истощения нервной системы. Ей прописан абсолютный покой. И изоляция. В том числе и от вас с вашими благими устремлениями, прошу простить мою прямоту.

Эскис замолчал. Он отвернулся, глядя в заоконную муть. Там на ветру метались чёрные ветви в мокрой серой пелене снега и мороси.

Его рука скользнула в карман сюртука, чтобы достать пухлый жёлтый конверт. Алексей Константинович шагнул вплотную к столу врача и положил этот конверт прямо поверх раскрытой медицинской карты.

– Десять минут, – глухо повторил он. – И я даю вам честное слово: вы не увидите меня здесь снова. Более того... – он сделал выразительную паузу, – ...я не останусь в долгу. Я навёл справки и выяснил, что вы пытались приобрести новый аппарат для гальванизации и кварцевую лампу. Дорогое удовольствие. Выбить через казённые инстанции крайне сложно. Но я могу

оплатить их поставку. Безвозмездно. Или могу написать рекомендательное письмо в опекунский совет, которое обеспечит приток пациентов из, скажем так, наиболее уважаемых и спокойных семейств.

На лице доктора Веретенникова отобразилась борьба: воспринимать слова Эскиса как подкуп или же как предложение о взаимовыгодном сотрудничестве. Николай Сергеевич замер. Его пальцы потянулись к конверту, но застыли в воздухе, так его и не коснувшись.

Веретенников, очевидно, ненавидел такие моменты: они пачкали белизну его халата. Но мысль о новом визите Бельского и угрозах наверняка претила ему куда больше. В то время как обещание новейшего оборудования и тихих, платёжеспособных аристократов с лёгкими формами меланхолии прозвучало весьма соблазнительно.

Плавным движением Веретенников закрыл папку с медицинской картой, а вместе с ней спрятал от посторонних глаз и жёлтый конверт.

– Десять минут, – с выражением вынужденной капитуляции на лице выдохнул он. – Ни минутой более. В зимнем саду. Ступайте, Алексей Константинович. Сестра приведёт её. И ради бога, тихо. Никаких волнений.

– Премного благодарен. – Эскис попрощался коротким учтивым поклоном и удалился в указанное место.

Зимний сад на самом деле был лишь крохотной оранжереей, примыкающей к восточному флигелю. За белёсыми стёклами дремал унылый парк, но и внутри природа не пестрела особой живостью. Под высоким арочным потолком, запотевшим от контраста температур, чахли пальмы в кадках и желтели листья фикусов. Тяжёлый, влажный воздух пах сырой землёй и перегноем. Никаких тебе душистых цветов. Да и присесть толком негде, если не считать единственной старой скамьи у дальних окон. Здесь жутко сквозило из щелей, но иного места для ожидания не нашлось.

Спустя десять томительных минут в оранжерею вошла Елизавета. Сестра милосердия, маячившая за её спиной, шепнула что-то девушке на ухо и, оставив её, ушла. При этом на Эскиса посмотрела так, словно он мог убить несчастную.

При одном только взгляде на Бельскую грудь Алексея стеснило настолько, что на несколько мгновений он лишился дыхания.

Их взгляды встретились. Она робко улыбнулась, и премилый румянец расцвёл на её фарфорово-бледных щеках.

– Елизавета Фёдоровна, – пробормотал он севшим голосом и поспешил к ней, а она зашагала ему навстречу.

Её каштановые волосы, некогда такие густые и блестящие, были туго заплетены в тусклую косу, лежавшую на плече. Нежное лицо заострилось. В огромных ультрамариновых глазах, которые он полюбил с первого взгляда, тоска мешалась с радостью встречи.

Её тёплое серо-зелёное платье было скромным, с чистыми, белыми манжетами и простым кружевным воротничком. В нём Лиза показалась ему тоньше и меньше, чем прежде. Как хрупкий цветок, готовый сломаться в любой миг.

Эскис бережно взял её холодные руки и наклонился, чтобы поцеловать тонкие пальчики.

– Елизавета, – повторил он растерянным шёпотом. – Вы замёрзли? Сейчас. – Он торопливо стянул с себя сюртук и накинул ей на плечи. – Вот. В вашем крыле плохо топят?

– Все нет, просто я разволновалась, когда услышала про ваш приезд, – также шёпотом ответила она. – Признаюсь, не ожидала свидеться столь скоро.

Он плотнее запахнул на ней свой сюртук. Подумал было обнять, да так и замер с ладонями на её плечах.

Её улыбка угасла, сменившись ещё большей тревогой.

– Алексей Константинович, вам нельзя ко мне приезжать. – произнесла она. – Отец запретил.

– Не думайте об отце. – Он осторожно взял её невесомую руку. – Мне сказали, он не потревожил себя визитом к вам. Вот и вы о нём не тревожьтесь.

Эскис снова поднёс её пальцы к своим губам. Кожа девушки пахла горьковатым больничным мылом. Этот запах вызвал в его душе муторную печаль. Его поцелуй был долгим и трепетным, со всей нежностью любви и бескрайней яростью против мира, доведшего Елизавету до такого состояния.

Тянуть с разговором было нельзя. Сестра могла заглянуть в любую минуту.

– Я нашёл способ, – торопливо начал он. – И отличное место. В Швейцарии. Там есть клиника на берегу чистого озера. Там горный воздух, солнце и покой такой восхитительный, что дух захватывает. Там найдётся место для нас обоих на первое время, а дальше Господь распорядится должным образом. Пожелаете – останемся там, а захотите, поедем смотреть мир...

Он умолк, потому что она вдруг вздрогнула и попыталась отнять руку, но он удержал её.

– Не мучьте меня, Алексей Константинович. – Её взгляд беспокойно заметался, ища спасения. – Это ни к чему. Доктор говорит, мне уже лучше. Да и подобное разве возможно? Отец никогда не даст позволения. Он...

– Решать будет не он, а человек, который стократ влиятельнее и важнее любого бывшего прокурора, – твёрдо перебил Эскис. – Я всё беру на себя: все переговоры, документы и прочие издержки. Вы не должны ни о чём беспокоиться. Ни о чём, слышите? Вы должны только довериться мне.

Крылья её носа затрепетали, когда она судорожно вдохнула, стараясь унять волнение.

– Ваши слова звучат опасно. Я не желаю, чтобы вы рисковали репутацией и судьбой ради меня.

– Я нашёл способ. Такой, что даже великие князья не посмеют оспорить.

– Пожалуйста, пообещайте, что не нарушите ради меня закон, – взмолилась Бельская, и её голос дрогнул. – Я не вынесу, если с вами случится нечто дурное.

Её глаза наполнились слезами.

– Ну, полно, мой ангел, – Алексей заключил её в бережные объятия.

Елизавета спрятала лицо на его груди и сдавленно всхлипнула.

Эскис почувствовал, как её худенькое тело содрогается в беззвучных рыданиях.

– Всё будет хорошо, – прошептал он, прижимаясь губами к её волосам. Они пахли тем же больничным мылом. – У меня есть план. Надёжный. И я буду не один претворять его в жизнь. Человек, чьей помощью я заручился, способен швейной булавкой вскрыть любой замок и шутки ради поменять фуражки на головах двух городских так, что они и не заметят. Когда нужно, он ни перед чем не остановится. И я тоже.

Алексей хотел успокоить, но, кажется, последняя фраза лишь напугала её. Крепче обняв Елизавету, Эскис почувствовал, как напряжение в её плечах сменилось новой, более глубокой дрожью. Тогда он отстранился и взглянул ей в лицо. Слёзы скатывались по её щекам, но в глазах, помимо страха, читалась досадная покорность обстоятельствам.

– Я всё беру на себя, – упрямо повторил он, вытирая её щёки большим пальцем. – Вы должны лишь дождаться. Я сообщу вам все подробности сразу, как представится случай. Вы ведь верите мне?

– Да, безусловно, – горячо прошептала в ответ Бельская.

За спиной раздалось сухое покашливание. В дверях зимнего сада стояла сестра милосердия.

– Пора, барышня, – равнодушно позвала она.

Елизавета вздрогнула и отрывисто кивнула. Она сняла с плеч сюртук и возвратила Эскису, а затем рассеянно улыбнулась и поправила его криво повязанный галстук.

– Ну вот. Так вам намного лучше. Берегите себя, Алексей Константинович.

Он сдержанно поклонился в ответ, не в силах произнести ни слова. Надеть сюртук, повернуться и зашагать к выходу сквозь запах земли, лекарств и отчаяния – каждое движение требовало от него нечеловеческих усилий.

Эскис не оглянулся. Оглянуться значило увидеть, как её тень растворяется в сером свете оранжереи, поддаться скверным тревогам и усомниться в своей железной правоте.

В вестибюле он молча сунул швейцару второй жёлтый конверт, едва ли не толще того, что остался на столе у Веретенникова. Старик даже не взглянул на него, лишь лицо на миг исказилось чем-то похожим на жалость. Но Эскис уже не видел этого. Он на ходу надел пальто и вырвался на волю, в колючий, промозглый ноябрь, который после больничной духоты казался ему обжигающе чистым.

Глава 2

Эту комнату воспитанницы прозвали «чайной конторой» забавы ради. Она виделась им самым неинститутским местом во всём Смольном.

Сюда не долетали ни звонки уроков, ни переливы хорového пения, ни даже приглушённый гул девичьих голосов. Комната пряталась на верхнем этаже рядом с архивом, куда смолянки не ходили вовсе за ненадобностью, и служила пристанищем для формальностей, требовавших камерности и секретности. В «чайную контору» приглашали родителей для деликатных бесед. Здесь же заседали инспектора из Мариинского ведомства во время редких, но тщательных проверок. Это была комната служебных чаепитий, где пахло не мелом и чернилами, а пыльным бархатом старинной мебели, воском для полировки паркета и душистым китайским чаем.

Сдержанная, казённая торжественность сквозила здесь в каждой детали обстановки. Вдоль стен, обитых тёмным дубом, стояли строгие венские стулья с гнутыми спинками. В центре красовался массивный овальный стол, покрытый тяжёлой скатертью цвета поблёкшего бордо, на которой дожидались своего часа перевёрнутые фарфоровые чашки с тончайшими, почти прозрачными блюдцами – вечный сервиз для особо важных бесед, помнивший целые поколения гостей. Украшенная голубыми изразцами печь соседствовала с сервантом для посуды. А с портретов на стенах грозно взирали императоры и императрицы – целая плеяда Романовых.

Варвара Николаевна Воронцова ожидала возле одного из двух узких окон. Она смотрела, как ноябрьский ветер треплет в институтском саду измученные голые деревья. Отсюда было видно Неву, оливково-серую и мутную.

Воронцова была одета в белое камлотовое платье и обязательный коленкорový передник. На фоне строгой формы её пепельно-рыжие волосы, собранные в гладкую, тяжёлую косу, смотрелись особенно яркой деталью. Они отливали медью в тусклом свете. Глаза её были ясные и спокойные, цвета зимнего неба. Со стороны Воронцова казалась воплощением институтских стандартов воспитания – умной, нежной и сдержанной. Лишь едва уловимая твёрдость в уголках губ и привычка внимательно слушать, чуть склонив голову, выдавали в ней нечто большее.

Мать, графиня Капитолина Аркадьевна Воронцова, прозвала Варю лисой неспроста. Она-то отлично знала, на какие хитрости и дерзости способна её ангелоподобная дочь. Но ума Варваре и вправду было не занимать, оттого из всех передряг она всегда выходила победительницей. А ещё успела заручиться поддержкой самой вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны и вступить в тайное женское общество. Именно поэтому сейчас, пока все одноклассницы занимались французским языком, её вызвали из класса под предлогом важного телефонного звонка из дома. Разумеется, никто ей не звонил.

Дверь открылась без стука. Варя обернулась на звук.

В «чайную контору» вошёл следственный пристав Иван Васильевич Шаврин. Казалось, он с трудом вписывался в этот камерный мирок.

Шаврин был долговязым и сухим, как жердь, в скромном, но добротном чёрном сюртуке. Его плечи выглядели несоразмерно узкими для высокого роста, а ладони – крупными. Главным украшением лица Шаврина, несомненно, служили усы. Не просто усы, а настоящее произведение искусства – густые, длинные, тёмно-русые, они нависали над верхней губой пышной, ухоженной чёлкой. И когда пристав дышал или говорил, эта «чёлка» слегла колыхалась, притягивая взгляд собеседника. Порой Варе казалось, что он нарочно отрастил такие выдающиеся усы, чтобы сбивать с толку людей и упрощать себе допросы.

– Варвара Николаевна, доброго вам утра, – поприветствовал он, снимая с головы поношенный картуз.

– Иван Васильевич, вот уж кого не ожидала, – Воронцова присела в реверансе. – Отраднo видеть вас в добром здравии. Но повод для нашей встречи наверняка далёк от радостного.

Она не лукавила. Шаврин был человеком приятным, добродушным и внимательным, хоть и строил из себя грозного сыскаря.

– Ваша правда, – хмыкнул Иван Васильевич. Он закрыл за собой дверь и прошествовал к столу. – Прошу прощения за конспирацию и внезапный визит в учебное время. Присядем, прошу вас.

Говорил он тихо, а держался несколько холоднее обычного, словно и сам был не в восторге от необходимости беседы. Это заинтриговало Варю. Она послушно опустилаcь на стул рядом с приставом, чтобы ему не приходилось говорить громко, а ей – прислушиваться к шёпоту.

Шаврин положил картуз на стол перед собой и вытащил из внутреннего кармана плоский, плотный конверт без каких-либо опознавательных знаков.

– Мне поручено передать вам это. И ещё кое-что на словах, потому как бумага, увы, секретов не терпит.

– Слушаю вас очень внимательно. – Варя приняла конверт и приосанилась. Она не стала вскрывать его сразу.

Воронцова отлично понимала, что подслушать их никто не сможет, но всё равно украдкой глянула на закрытую дверь.

Шаврин пригладил усы и, понизив голос до конспиративного шёпота, продолжил:

– Поручение от Марии Фёдоровны. Вам прекрасно известно, сколь неприятно мне перекладывать деликатные вопросы на ваши хрупкие плечи, но дело тонкое и не для официальных бумаг. Кроме того, Её Императорское Величество очень на вас рассчитывает. Говорит, что не сомневается в вашем успехе, если вы сохраните вашу хваткость и извлечёте уроки из прежних ошибок.

– Mon Dieu¹, – Варя выразительно вскинула брови. – Не томите уже, Иван Васильевич. Признаюсь, я начинаю нервничать от разговоров о подобной огромной ответственности. В чём же дело?

– На следующей неделе вы едете в усадьбу Голицыных, на именины княжны Венеры.

Варя лишь кивнула, подтверждая известное.

– Так вот. Есть сведения... нет, не сведения, а некие тени смутных подозрений. – Шаврин задумчиво расправил усы, подбирая подходящие для ушей юной барышни слова. – Соображения о том, что князь Михаил Александрович Голицын может иметь отношение к одному весьма некрасивому предприятию. Деньги, знаете ли, Варвара Николаевна, – дело тонкое, а пахнут они за версту, что бы кто ни говорил. И сейчас в столице пахнет жжёной бумагой и чужими сбережениями.

Он помолчал, давая ей оценить важность момента, прежде чем выложить суть.

– Некто весьма предприимчивый, назовём его господин Иванов, скупил за бесценок несколько абсолютно безнадёжных, полумёртвых производств где-то в уральской глухомани. Какие-то заброшенные рудники, кожевенный завод с двумя печами да спичечную фабрику, которая не работала со времён Крымской войны. Стоили они гроши. А затем наш Иванов начал предлагать их как золотую жилу. Он создал «Общество взаимного благоустройства» или что-то в этом роде: бумаги красивые, устав внушительный. Стал распространять акции этих самых предприятий, но не как убыточных, а как перспективных, сулящих баснословные дивиденды от скрытых запасов и новых технологий. Первым, самым доверчивым вкладчикам он действительно выплачивал проценты – щедро и из денег, которые несли следующие акционеры. Те, видя, что сосед получил прибыль, уже отдавали свои капиталы охотнее. И пошло-поехало.

---

¹ Боже мой (франц.).

Деньги новых вкладчиков шли на выплаты старым, создавая видимость фантастической доходности. Понимаете, о чём я толкую?

Воронцова, будучи девушкой воспитанной и образованной, серостью мышления никогда не отличалась. Она охотно выписывала научные журналы из-за рубежа, читала свежие газеты и слушала рассказы отца и старшего брата. Экономика не была её сильной стороной, но тут бы и ребёнок сообразил, как ей показалось.

– Финансовая пирамида чистейшей воды, – хмуро ответила Варя, глядя на запечатанный конверт в своей руке. – Но, позвольте спросить, как к ней причастен князь Голицын? Он человек порядочный, на государственной службе всю жизнь был занят.

Шаврин фыркнул, отчего его усы возмущённо всколыхнулись. Его пристальный взгляд стал ещё острее.

– А это самое интересное, Варвара Николаевна. Сквозь паутину бумаг и подставных лиц начинают проступать знакомые фигуры. Имя Голицына всплывает не напрямую, но слишком уж часто рядом с теми, кто эту игру затеял. Он не продаёт акции на улице, о нет. Но его рекомендация, его имя в числе почётных попечителей того самого «Общества» – это знак качества для многих. Это привлекает не просто купцов, а людей с положением, с солидными капиталами. Суммы уже закрутились чудовищные. И когда в один прекрасный день мифический и неуловимый Иванов испарится вместе с кассой, а предприятия официально назовут пустыми сараями, грохот будет на всю империю. Замешаны окажутся уже не мелкие спекулянты, а сановные особы, принёсшие свои деньги и привлёкшие чужие средства. Императрица предчувствует громкий скандал. Официально трогать князя, основываясь на одних лишь слухах, нельзя. Нужен факт. Хотя бы небольшое доказательство его осведомлённости или, упаси бог, прямого участия.

Он сделал паузу, давая словам улечься.

Варя сидела неподвижно, задумчиво глядя на конверт.

– Позвольте предположить, более всего вы опасаетесь, что князь не просто знаком с настоящим господином Ивановым, но сам им и является? – осторожно спросила она.

Воронцовой стало не по себе, когда пристав медленно кивнул.

– Ваша задача, Варвара Николаевна, – стать в доме князя нашими глазами и ушами. В праздничной суете никто не заподозрит милую, нежную институтку, подругу именинницы. Уверен, к вашему присутствию отнесутся с отеческой снисходительностью. Совсем как я сначала вас воспринимал, – он виновато улыбнулся. – Мол, глупая девица, что с неё взять? А как слегка примут на грудь за праздничным столом, то и вовсе забудутся. Начнут болтать лишнее.

Отчего-то эти прямодушные слова вызвали у Вари улыбку вместо обиды. Шаврин хоть и был умён настолько, что сама Мария Фёдоровна ему доверяла, а всё же до сих пор ходил в сыскарях из-за этой своей черты.

– Вам предстоит наблюдать, слушать, улавливать намёки, – наставлял Иван Васильевич. – Особое внимание – на самого князя, на его окружение, на разговоры о делах, инвестициях, долгах. На любые намёки на финансовую нужду или, наоборот, на непонятную роскошь. Всё, что покажется странным.

– А что именно считается непроверяемой уликой, а не просто застольным хвастовством? – осторожно спросила Варя.

– Пока что – любая зацепка. Упоминание предприятия из «Общества взаимного благоустройства», обронённая фраза, странный гость, не вписывающийся в круг семьи. Конверт, который я вам дал, содержит краткую справку по компаниям, о которых идёт речь, и имена нескольких лиц, которые могут фигурировать в деле. Запомните всё и уничтожьте. В усадьбе искать бумаги напрямую слишком рискованно. Вам нужна информация, а не документы. Будьте внимательны. И, главное, осторожны. Официально вы едете на праздник, а не

на задание. Ваша безопасность превыше всего. Если почувствуете малейшую угрозу или внимание к своей персоне – отступайте.

– Как на войне? – она сдержанно улыбнулась мужчине, который вдруг напомнил ей собственного отца, с его вечной опекой.

– Вы абсолютно правы. Как на войне. И это приказ вашего генерала. – Он не улыбался, но тревога во взгляде несколько смягчилась, а в уголках глаз появились знакомые морщинки – намёк на улыбку. – Обещайте, что подчинитесь. Ежели не мне, то вашей любящей заступнице Марии Фёдоровне.

Шаврин отлично знал, на что способна эта хрупкая на вид девушка. А ещё опытный следственный пристав не питал иллюзий о том, какая опасность могла таиться за фасадом княжеского гостеприимства.

– Très bien. Je comprends², – ответила Варя. Она уже мысленно примеряла на себя роль юной, безобидной гостьи, впитывающей информацию. Эту роль Воронцова научилась играть безупречно. – Не беспокойтесь обо мне, дорогой Иван Васильевич. И Марии Фёдоровне от меня передайте, что я приложу все усилия, чтобы оправдать её ожидания. Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкой, умом, силою³. Я постараюсь справиться.

– Не сомневаюсь, – Шаврин кивнул, поднимаясь с места. – Отчитываться будете лично мне, по возвращении. Надеюсь, за два дня ничего страшного не случится.

Он взял свой картуз, помял его в крупных ладонях.

– Удачи вам, Варвара Николаевна. – Шаврин поклонился и сделал шаг к двери, но вдруг словно передумал и вновь развернулся к ней: – В списке приглашённых я видел имя одного знакомого мне человека. С ним мы не общались на эту тему, он врач и едет не как должностное лицо, а как сопровождающий доктор одного из пожилых гостей. Но если вам вдруг понадобится помощь, просто скажите ему, что вы от меня. Он не станет задавать лишних вопросов, но в беде вас не бросит. Зовут этого господина Алексей Константинович Эскис. Я постараюсь предупредить его, что вы будете у князя. На всякий случай.

Варе почудилось, что она уже слышала это имя прежде, но решила не задерживать Шаврина новыми вопросами. Если они когда-то встречались с этим доктором, наверняка она узнает его сразу.

– Спасибо, Иван Васильевич. Я сделаю всё, что смогу, – повторила Воронцова и встала следом, чтобы изобразить прощальный реверанс.

– В том-то и дело, что вы всегда делаете чуть больше, чем можете. – В голосе Шаврина прозвучала странная смесь уважения и укора. – И ещё одно, Варвара Николаевна... Берегите ваше нежное девичье сердце. На подобных праздниках водятся не только финансовые аферисты, но и прочие опасные особи. С виду самые что ни на есть благовоспитанные. Прощайте.

– Au revoir⁴, – механически отозвалась Воронцова.

Шаврин ушёл, бесшумно прикрыв за собой дверь. Его шаги быстро затихли в коридоре.

Варя осталась одна в «чайной конторе». Она подошла к печке и открыла заслонку. Ловким движением вскрыла конверт, трижды пробежала глазами по аккуратным строчкам, стараясь в точности запомнить всё: названия компаний, цифры, фамилии. Затем, не колеблясь, бросила листок в огонь. Бумага вспыхнула жадным жёлтым пламенем и обратилась пеплом на тлеющих дровах. Варя убедилась, что не осталось ни клочка, а потом закрыла заслонку обратно.

---

² Хорошо. Я понимаю (*франц.*).

³ Цитирует Екатерину II (*прим. авт.*).

⁴ До свидания (*франц.*).

За окном уже почти не было видно ни сада, ни Невы. На Петербург опустились ранние ноябрьские сумерки. Такие же мрачные, как и недоброе предчувствие, что зародилось в её душе немедля после ухода пристава.

Глава 3

День отъезда выдался не по-праздничному серым и колючим. С Невы дул пронизывающий ветер, от которого было совершенно не спрятаться. Хмурые, низкие тучи превратили послеобеденную благодать в угрюмые сумерки, которые лишали яркости все цвета вокруг. Даже ясная лазурь Смольного собора выглядела сейчас пыльной. Довершала удручающую картину морось. Снег с дождём сыпали с прохудившихся небес без конца и края. Оттого всякая дорога была грязной, а воздух – сырым и холодным настолько, что вдыхать его лишний раз не хотелось. Но отменить поездку казалось не просто невежливо – невозможно.

Князь Голицын был одним из наиболее щедрых покровителей института, а ещё особо уважаемым лицом во всей Российской Империи. Лишить его единственную дочь праздника из-за одной лишь дурной погоды было бы оскорбительно. Поэтому пришлось набраться терпения и сделать всё, чтобы оказаться на месте побыстрее.

У парадного подъезда института благородных девиц цепью стояли три экипажа, словно живая иллюстрация к предстоящему путешествию от столичного порядка к усадебной вольности. Бурые лошади, покрытые попонами, фыркали и переминались с ноги на ногу. От них шёл лёгкий, едва заметный пар.

В первый крытый возок институтские лакеи погрузили сундуки и саквояжи. Два других, более лёгких, запряжённых парой лошадей каждый, предназначались для пассажиров. Их кучера в ватных кафтанах и шапках-ушанках, похлопывая руками, в нетерпении поглядывали на хлопочущих девиц.

Холод не способствовал церемониям или долгим проводам. Воспитанниц и прежде возили на балы, в театры и просто в гости с разрешения их родителей. Эта поездка на выходные в усадьбу Голицыных исключением не была. Тем более девушки никогда не ездили одни. На сей раз Венеру Михайловну Голицыну и её подруг, одетых в одинаковые тёмно-зелёные пальто из тёплой шерсти, сопровождала их классная дама.

Марья Андреевна Ирецкая, как шкипер на капитанском мостике, стояла на крыльце, закутанная в длинное добротное пальто с енотовым воротником и такой же меховой шапкой, которая визуально увеличивала её голову.

Классной даме было слегка за пятьдесят, но её миниатюрная, подтянутая фигура даже в подобной одежде казалась отлитой из суровой педагогической стали. Оливковые глаза, большие и выразительные, под густыми, сросшимися на переносице бровями, зорко следили за всем. Они отметили и слишком тонкие ботинки у Шагаровой-младшей, и то, как слуга неловко подхватил дорожный несессер. Когда она заметила, как порыв ветра сорвал с головы Надежды Шагаровой чересчур лёгкий платок, её лицо на миг смягчилось, и совиная строгость уступила место материнской досаде.

– Mademoiselle, où est votre chapeau?⁵ – назидательно спросила она, подходя ближе, и, не дожидаясь ответа, строго велела: – Закутайте голову, Надежда Александровна, пока не застыдились.

– Oui, madame⁶, – Наденька изобразила быстрый реверанс и принялась торопливо покрывать голову.

Ирецкая с видом заправского инспектора прошествовала мимо сестёр Шагаровых. На ходу она молча поджала губы, едва взглянув на голые руки Анны, и та покорно поспешила достать из кармана свои жёсткие тёплые перчатки, которые терпеть не могла. Этим она заслужила подобие одобрительной полуулыбки, но уже через мгновение Ирецкая снова посмурнела.

---

⁵ Мадемуазель, где ваша шляпка? (франц.)

⁶ Да, мадам (франц.).

Классная дама повернулась к кучеру первого экипажа:

– Смотрите, чтобы пологи были плотно застёгнуты, Ефим! Всё проверили? Сквозняк – прямая дорога к воспалению лёгких.

Экипаж, который Марья Андреевна себе назначила, должен был ехать вторым. В него же, по её кивку, направилась Евдокия Малавина, за которой с младших классов закрепилось прозвище Додо. Высокая, нескладная, с печальным вытянутым лицом и большими, будто вечно удивлёнными глазами, она уже ворчала себе под нос о том, что в такую погоду они обязательно простудятся.

– По уши в грязи будем, пока доберёмся, – недовольно бормотала она. – Камин в бальной зале, я уверена, дымить будет – в старых домах всегда так. И спальни сырые. А спать на чужих перинах – сплошное испытание. Вы, Венера Михайловна, не представляете себе, на что нас обрели. Если бы не наша нежная дружба, не бывать этой поездке.

Но её ворчание оставалось незамеченным. Оно тонуло в гомоне девушек, голосах слуг, скрипе экипажей и фыркании лошадей. Венера если и уловила хотя бы пару слов из её речи, то не придала значения. Во-первых, Додо всегда была таковой: вечно недовольной и кислой. Во-вторых, она первой отпросилась у родителей, узнав, что приглашена в дом Голицыных на именины любимой подруги.

Другие «белые» смолянки вышли проводить их, но на деле только мешались своими наставлениями и причитаниями. Уезжало лишь восемь девушек, включая именинницу, а на лицу высыпал весь их старший класс.

Сёстры Шагаровы, обе светловолосые и сероглазые, как два весенних утра, реагировали на суету по-разному. Анна, старшая, с невозмутимым видом помогала Наденьке завязать платок на голове как можно аккуратнее. Надя же, румяная от ветра и волнения, порывисто оглядывалась. Её глаза блестели от предвкушения приключения, а не от холода.

Марина Быстрова, чьи тёмно-каштановые кудри тут же вырвались из-под кастровой⁷ шляпки, весело щурилась. Она, казалось, не замечала ни грязи под ногами, ни промозглой мороси.

– Ефимушка, живость, только живость! – крикнула она старому кучеру. – Чтобы дух захватывало! – И, обернувшись к Варе, которая уже направлялась к третьему экипажу, лукаво добавила: – По крайней мере, от учебников отдохнём! Право же, что все такие снулые? Романтика, Варенька! *Le vrai romantisme!*⁸

Воронцова притворилась, что не услышала. Между ними с Мариной ещё витала тень недавней ссоры из-за Эмилии, но сейчас Быстрова готова была эту тень развеять ветром дороги. Хотела ли она по-настоящему вернуть прежнюю крепкую дружбу и сожалела о случившемся или же попросту ревновала, понять было сложно. Быстрова умела вести себя непредсказуемо.

Главное действие разворачивалось у последнего, самого нарядного экипажа. София Заревич уже впорхнула в него с грацией бабочки. Её миловидное, кукольное лицо с огромными «газельими» глазами тут же появилось в окошке. Она ловким движением поправила локон чёрных как смоль волос у виска – жест не столько для себя, сколько для тех, кто оставался на крыльце. Пусть видят, что Заревич прекрасна и уверена в себе даже в дорожной неразберихе.

Варя давно замечала за Софией эту привычку красоваться. Ей нравилось, когда другие девушки завидовали, а юноши – ею любовались. Но разве можно осуждать за лёгкое кокетство юную девицу, привыкшую к определённой аскетичности Смольного, когда представляется случай приятно провести время? Воронцова только покачала головой и отошла в сторону, выис-

---

⁷ *Кастровый* – сшитый из шерстяного сукна из бобрового меха.

⁸ Настоящая романтика (*франц.*).

кивая среди провожающих одноклассниц свою другую подругу. Та только что вышла из здания и теперь в нерешительности топталась на ступенях.

– Эмилия, вот ты где! Пора уже в экипаж, пока Марья Андреевна не рассердилась, – Варя подхватила подругу под локоть и потянула за собой. – Там внутри, уверяю, уже тепло, а здесь – чистая Сибирь!

Эмилия Драйер рассеянно улыбнулась в ответ и нервно одёрнула перчатку, под которой, как знала Варя, уже краснел свежий заусенец. Бедняжка ничего не могла с собой поделывать, когда переживания брали над ней верх.

– Прости, я проверяла, всё ли взяла. Возвращаться, конечно, плохая примета, но уж лучше вернуться и убедиться, чем вдруг обнаружить нехватку тёплых чулок холодным утром, – затараторила Эмилия, и её «р» на слове «проверяла» прозвучало чуть картаво, с тем самым германским акцентом, который всегда выдавал её волнение.

Встретившись со смеющимся взглядом Вари, Драйер перевела дух и вроде как успокоилась. Они с Воронцовой заняли места в экипаже, из которого София с сияющей улыбкой махала остающимся одноклассникам в окошко.

Последней, с истинно княжеской неспешностью, к экипажу приблизилась виновница грядущего торжества, Венера Голицына. Поверх пальто она была закутана в изумительный белый пуховый платок. Из-под такого же пушистого капора выбивались крошечные кудряшки тёмно-русых волос. Её лицо, нежное и утончённое, будто сошло с изысканного портрета. Голубые глаза спокойно окинули двор. Голицына на прощание вальяжно махнула подругам на крыльце и поднялась в экипаж.

Марья Андреевна убедилась, насколько хорошо устроились её воспитанницы. Затем она отдала последние распоряжения кучерам, коротко попрощалась с инспектрисой, которая оставалась в классе за главную в её отсутствие, и лишь потом заняла своё место.

Лакеи проверили дверцы и багаж. Ефим крикнул другим кучерам, свистнул лошадям, и тяжёлые колёса, с хрустом продавив ледяную корку заиндевевшей лужи, тронулись с места. Смольный институт остался позади, поглощённый серой пеленой ноябрьского дня. Впереди же лежали разбитая дорога за город, унылые поля и старая княжеская усадьба.

Как только экипажи миновали знакомые гранитные набережные и свернули на загородное шоссе, столичный уют сменился суровой прозой путешествия. Дорога, едва заметная под слоем серой жижи из подтаявшего снега и грязи, запетляла меж облысевших, тоскливых ив. Колёса то проваливались в глубокие колеи, то на скакивали на камни, отчего экипаж вздрагивал и кренился, заставляя пассажиров дёргаться и хвататься за сиденья.

За городской чертой ветер, казалось, только усилился. Он гудел и завывал. Девушки зябко жались друг к другу, чтобы не продрогнуть.

Внутри, однако, было вполне уютно. От маленьких медных грелок, заботливо положенных под ноги, исходил слабый жар. На коленях у девушек лежали толстые клетчатые пледы из колючей шерсти, пахнувшие камфорой. Стёкла запотели от дыхания и тепла, превратив унылый пейзаж за окном в размытую серо-белую акварель, где лишь изредка мелькали тёмные силуэты зданий, кривые стволы деревьев или замёрзшая гладь очередной речушки.

Первые несколько вёрст ехали почти молча, прислушиваясь к скрипу рессор, фырканию лошадей и однообразному стуку колёс. Под этот монотонный аккомпанемент Варя почти задремала. Она сидела плечом к плечу с Эмилией и то и дело клевала носом. Отяжелевшие веки так и норовили сомкнуться.

София, прильнув к стеклу, сделала раздражённую гримасу и первой нарушила тишину.

– Прямо как в аптеке едем, – вздохнула она и шумно понюхала воздух. – Камфора и сырость. И ещё эта невыносимая, муторная тряска! Я уверена, к вечеру все кости будет ломить, а голова разболится. – Она помассировала висок. – Ну вот. Кажется, уже ноет. Как вы думаете, долго ещё?

– Около двух часов, – спокойно ответила Венера, расправляя плед. – Если, конечно, не застрянем. В такую погоду на почтовом тракте вечно то увязнет фурман⁹, то сломается ось у кого-нибудь. Папенька предупреждал, что дорога нынче скверная.

– Ещё бы не скверная, – согласилась Варя. Она потянулась к окну и протёрла ладонью запотевшее стекло, чтобы выглянуть. – Все осенние дожди нашего распрекрасного Петербурга, кажется, вылились на город и окрестности за минувшую неделю. Сплошная хлябь. Благо, что у вашего батюшки, Венера Михайловна, экипажи на хорошем ходу, а то мы бы до весны тащились.

Эмилия лишь молча кивнула, перебирая бахрому по краю пледа. Она сосредоточенно смотрела на рыхлые капли смеси дождя и снега, стекавшие по стеклу, будто пыталась разгадать в их причудливых путях некое тайное предсказание.

– А я рада, mesdemoiselles, – вдруг призналась Венера, и все взгляды обратились к ней. – Рада безмерно, что папенька настоял на этой поездке. В городе сейчас грязно и пахнет совершенно дурно. И не только на улицах. В воздухе какая-то тоска висит, от всех этих газетных сплетен и политических разговоров. Так будет, пока снег не ляжет, а люди хоть немного не переключатся на грядущие праздники. А у нас в Озёрках всегда одно – тишина. И воздух, даже зимний, совсем другой. И небо будто бы выше и чище всегда-всегда, – она мечтательно улыбнулась. – Вот где настоящий отдых.

– О, конечно! – тут же подхватила София, но её глаза заблестели при мысли не о небе, а о предстоящем празднике и веселье. – Целых три дня без скучных классов, назойливых инспектрис и однообразных походов парами в нашу общую трапезную! А бал и гости? Это разве не прелесть? Право, я вам завидую, Венера Михайловна, что у вас есть такое родовое гнездо.

Венера улыбнулась ласковее, и в её глазах отобразилось нечто неуловимо-печальное.

– Гнездо, говорите? Да, пожалуй, так оно и есть. Но Жорж, мой брат, с вами бы не согласился. Он-то всегда повторяет, что наши зимние выезды в Озёрки – это чистейшее безумие. «Ни театра, ни клуба, ни приличного общества на тридцать вёрст вокруг», – ворчит он. Но сам-то мчится сюда при первой возможности. У нас там дичь водится отменная, а он весь в папеньку и до страсти обожает охоту. Говорит, только здесь может по-настоящему отдышаться от городской суеты.

– Кстати, как поживает ваш брат? – оживилась Варя, уловив новую, неизвестную ей деталь. – Григорий Михайлович, верно? Давно вы о нём не рассказывали. Простите, моё любопытство, но вы так редко о семье говорите, mon ange¹⁰.

– Георгий. Но в семье мы зовём его Жорж, на французский манер, – пояснила Венера. Она будто вовсе не хотела упоминать брата, но уже не смогла остановиться: – Он старше меня на четыре года. Сейчас обучается в Политехнической школе в Париже, оттого бывает дома нечасто. На мои именины, конечно, он не приедет, как бы мне ни хотелось. Полагаю, только к Рождеству сможет вырваться.

---

⁹ Фурман – старое название извозчика, управляющего гужевым транспортом, а именно фурой – большой крытой телегой.

¹⁰ Мой ангел (*франц.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.